

Раздел 4. Мятеж генерала Ш.Н. Таная

Вода выходит только из низких берегов
Афганская пословица

История Афганистана последней четверти XX в. все еще хранит немало тайн, хотя этот период, прямо скажем, не обделен вниманием многих отечественных и зарубежных исследователей. Одна из таких тайн связана с вооруженным антиправительственным мятежом генерала Шаз Наваз Таная в марте 1990 года.

Глубинные корни этого мятежа, как, впрочем, и многих других внутрипартийных драматических катаклизмов периода правления левых в Афганистане, не представляли особого секрета, пожалуй, ни для кого из специалистов по этой стране и крылись в непримиримых противоречиях и кознях друг против друга двух фракций Народно–демократической партии Афганистана – Хальк и Парчам. Как известно, данные фракции поменялись ролями у горнила власти в конце декабря 1979 года. Хотя формально они и восстановили единство партии, однако на сей раз главенствующее положение в высших партийных и государственных органах, в противовес прошлому, заняли представители Парчам. С этим никак не могло согласиться воинственно настроенное крыло Хальк. Подковерные интриги и распри, провоцируемые и той, и другой стороной, не утихали все 80–е годы, сотрясая и неумолимо ослабляя левый кабульский режим. В апреле 1988 года, за месяц до начала вывода советских войск из Афганистана, халькистские радикально настроенные деятели громко ударили в колокола и бросили открытый вызов президенту и генсеку ЦК НДПА Наджибулле, направив письмо в адрес ЦК КПСС. В нем они обвинили последнего в продолжении прежних гонений на халькистов и установлении в партии и государстве «господства и гегемонии Парчам», провоцировании межфракционной борьбы и особенно «враждебности между крыльями в рядах вооруженных сил», стремлении решать все важные партийные и государственные задачи авторитарными методами и его неспособности реализовать на деле политику национального примирения. Однако главную вину Наджибуллы они видели в его односторонне ориентированной кадровой политике. По их мнению, выход из тяжелого положения, в котором оказалась страна и партия, состоял в «устранении господства одного крыла» (т.е. Парчам. – М.С.). «Необходимо, – писали они, – подобрать на ключевые государственные посты, которых не более 300, хорошие кадры» вместо «абсолютных бюрократов» (парчамистов. – М.С.) и, как особо подчеркивалось в указанном письме, «улучшить кадровый состав министерства обороны и крупных армейских формирований путем назначения опытных и преданных родине военных, особенно ветеранов партии, участников саурской революции, пользующихся авторитетом и влиянием в армии» [1].

Требование «улучшить кадровый состав министерства обороны» представлялось халькистской верхушке в тот момент наиглавнейшим. Она искренне рассчитывала, что, заполучив в свои руки высшие армейские посты, ей удастся легче всего изменить в свою пользу баланс сил в руководящих органах партии и государства и таким образом обеспечить и умиротворение страны, и спасение левого режима. Исходя из этого, халькистские деятели, занимавшие высокое положение в партийных и государственных структурах, уже с апреля 1988 года начали упорно добиваться назначения своих людей на высшие армейские посты. На пост министра обороны, который в то время занимал представитель Парчам, не особенно популярный в армейских кругах генерал М. Рафи, [2] они выдвинули убежденного халькиста Ш.Н. Таная. Назначения последнего на указанный пост, как, впрочем, и ранее на должность начальника Генерального штаба афганской армии, настойчиво добивались также и руководители различных советских ведомств в Кабуле – военного, партийного и мидовского. Однако Наджибулла тянул время, серьезно сомневаясь в лояльности Таная и не желая в связи с этим передавать одно из важнейших силовых ведомств в его руки, и лишь спустя несколько месяцев, 18

августа 1988 года, под давлением, главным образом, советской стороны пошел на уступки и назначил его министром обороны.

Ш.Н. Танай к этому времени стал широко известен как в военных, так и в гражданских кругах Афганистана своей неординарностью [3]. Он родился в 1950 году в районе Танай (провинция Пактия) в крестьянской семье. По национальности – пуштун. Окончил военный лицей в Кабуле, пехотный факультет столичного Высшего военного училища (Харби похантун) и годичные курсы десантников. Принимал активное участие в антидаудовском восстании в апреле 1978 года. В последующем занимал различные командные посты в армии, в том числе в первой половине 80-х годов был командиром Центрального армейского корпуса. С 1985 по 1988 год – начальник Генерального штаба афганской армии. Заняв кресло министра обороны, он получил воинское звание генерал-полковника и 20 августа 1989 года был введен в члены Высшего совета обороны родины, созданного с целью осуществления центрального руководства страной в условиях чрезвычайного положения.

В начале 70-х годов вступил в халькистскую подпольную военную организацию. В 1984 году был избран членом ЦК НДПА, в октябре 1987 года – кандидатом в члены политбюро ЦК партии.

По признанию его близких друзей и сослуживцев, в нем удивительно совмещались политическая неграмотность и выдающийся военный талант, решительность и авантюризм, храбрость военного человека и вероломство в будничной жизни, чувство товарищества и гипертрофированное высокомерие, капризность, властолюбие и бонапартистские наклонности [4]. Злые начала в его характере явно преобладали. Среди армейской когорты халькистов он был, безусловно, одной из одиозных и скандальных фигур.

Непосредственной прелюдией к мятежу Ш.Н. Таная явилось раскрытие в Кабуле в начале августа 1989 года подпольной диверсионно-террористической организации, связанной, как утверждалось в афганской прессе, с «Исламской партией Афганистана» Г.Хекматъяра. Одним из первых по этому делу был арестован мулла Фазлуддин Шах, глава т.н. группы «Шефа» («Исцеление»), в которую входили 105 человек [5].

Ш.Н. Танай в гарнизоне советских танкистов.

К концу августа министерство государственной безопасности (МГБ), раскручивая маховик следствия, вышло на военных и обнаружило разветвленную сеть подпольной боевой организации непримиримой оппозиции, в которую, кроме армейских офицеров, входили сотрудники министерства внутренних дел, МГБ, представители духовенства и интеллигенции [6]. К проведению следствия по поручению президента Наджибуллы подключилась также генеральная прокуратура страны. Как вскоре выяснилось, еще в 1988 году агентуре Г.Хекматъяра удалось завербовать ряд видных военных и через них большое число офицеров среднего звена, особенно в частях ПВО, прикрывавших Кабул. Этому в немалой степени способствовала растерянность в некоторых армейских частях и штабах в связи с выводом советских войск из Афганистана.

Перед следствием предстал зловещий план свержения кабульской власти, в который входили: переброска из Пакистана через Парачинарский выступ четырех полков моджахедов «Исар» («Жертвоприношение») и по общему сигналу осуществление ими штурма столицы с южного, западного и восточного направлений; одновременно с этим проведение мощных взрывов внутри города, обстрел важных объектов зенитными батареями, расположенными на окаймляющих Кабул высотах Хайрабад, Карга, Тапе–Мараджан и Шарара и антиправительственные выступления своих сторонников в частях столичного гарнизона. В деталях было расписано, кто и какой объект берет и кого следует в первую очередь уничтожить [7].

Учитывая особую опасность, которая исходила от зенитных батарей, власти незамедлительно арестовали ряд офицеров-зенитчиков. Затем следствие вышло на старших офицеров до полковника включительно и далее на генералов. 2 декабря по подозрению в подготовке военного переворота были арестованы четыре генерала, в том числе ключевые фигуры заговорщиков генерал Вали Шах и начальник управления связи министерства обороны Алим Джан [8]. Накануне вопрос о предстоящем аресте генералов президент Наджибулла обсуждал с Танаем при их личной встрече, а затем при посредничестве министра государственной безопасности Ф. Якуби. При этом Танай, как отмечал позже Наджибулла, сначала крайне робко возражал против ареста упомянутых генералов – его друзей, но в конце концов признал за президентом право решать их судьбу [9].

15 декабря 1989 года по кабульскому телевидению выступил первый заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант Яр Мухаммад и генеральный прокурор Республики Афганистан Саид Шариф и предали гласности «бунт генералов». Яр Мухаммад объявил, что к тому времени было арестовано уже 127 человек и что большинство из них полностью признало свою вину. Однако, следует отметить, что аресты военных были восприняты в высших армейских и гражданских кругах далеко не однозначно. Видимо, в связи с этим президент Наджибулла в один из тех дней, задержав у себя в кабинете Танаю после окончания одного из оперативных совещаний Верховного военного штаба и оставшись с ним наедине, снова вернулся к разговору о заговоре. На сей раз Танай уже в более категоричной форме поставил под сомнение версию о причастности генералов, как он сказал, «товарищей по партии» к попытке государственного переворота. Более того, покидая кабинет президента, он с возмущением бросил: «Это – заговор против меня лично и против халькистов». [10]

После такого демарша Танай укрылся в министерстве обороны, расположенном в конце улицы Дар-уль-Аман, на юго-западной окраине Кабула, и выдвинул ультиматум: или освободить генералов, или же он поднимет на их защиту армию. По его приказу к зданию министерства обороны были стянуты танки, бронетранспортеры, артиллерия, ракетные комплексы. Танай отказался вести переговоры по телефону с кем-либо, включая и президента, а также принимать его людей у себя. Деятельность аппарата министерства была фактически парализована. К огорчению президента, хотя это и не явилось для него какой-то неожиданностью, в поддержку взбунтовавшегося министра обороны выступил ряд видных партийных и государственных деятелей из крыла Хальк. В возникший внутриафганский конфликт попыталось вмешаться советское посольство в

Кабуле. Совпосол пригласил к себе строптивного Таная для «душевной» беседы, и как это водилось в советские времена, с обильным угощением русской водкой. Причем Танаю «накачали» до такой степени, что пришлось во избежание неприятностей изъять у него пистолет [11].

Противостояние двух сторон в афганской правящей верхушке длилось недолго. В конце концов президент сдался, согласившись освободить четырех генералов, правда, с условием, что они не будут допущены к работе. Впрочем, одному из них – Алим Джану – уже было не до работы: в результате пыток, которым его подвергли в ходе следствия, он оказался во невменяемом состоянии. Танай торжествовал. На следующий день после освобождения генералов он, выступая на совещании в министерстве обороны, с гордостью заявил, что они помилованы только «благодаря его заступничеству, ради сохранения морального духа в армии» [12].

Одержав верх над президентом в этой первой пробе сил, Танай (как и стоявшая за ним верхушка Хальк) окончательно уверовал в свои возможности и исключительность. С еще большим, чем прежде рвением он продолжал укреплять свою опору среди офицерского корпуса. За полтора года пребывания в должности министра обороны он самоуправно произвел в армии до трех тысяч кадровых перестановок. Однако президентское окружение и служба безопасности были крайне обеспокоены не столько этими перестановками, сколько многочисленными подозрительными учениями и маневрами, которые Танай начал настойчиво проводить после декабря 1989 года. Отвечая на этот вызов, Наджибулла дал указание своим приближенным усиленно готовиться к адекватному отпору, в том числе и защите своих семей от возможных бомбежек. «Аллах с нами, – заявил он при этом, – наше дело правое и самое лучшее наступление – это хорошая защита» [13]. Итак, началась интенсивная подготовка к решающей схватке двух враждовавших в партии и государстве сил – Хальк и Парчам.

Президентская сторона внимательно следила за каждым шагом Таная и его сторонников. Уже после подавления путча бывший министр внутренних дел М.А. Ватанджар в интервью советскому корреспонденту признал, что власти знали о «готовящемся заговоре в подробностях» и что «заранее были предприняты все меры, чтобы подавить его» [14]. В частности, к началу марта 1990 года в полную боевую готовность были приведены части республиканской гвардии, верные Наджибулле части министерства внутренних дел и министерства обороны, восемь столичных партийных батальонов численностью до 4 тыс. человек, а также военизированные отряды молодежной организации; с севера в Кабул вызвана 53-я узбекская дивизия А.Р.Дустома, а с востока (из-под Джалалабада) в столицу перебрасывалась часть войск под командованием генерала Лудина; перекрыты основные магистрали, ведущие в Кабул; составлены списки лиц, подлежащих немедленному аресту в случае начала мятежа и т.д. Еще одна примечательная деталь: 5 марта Наджибулла отправил в Москву свою жену с детьми, как было объявлено, на лечение и отдых.

Накануне, 2 марта, Наджибулла пригласил к себе домой в гости М.А. Ватанджара и Ш.Н. Таная. Тон и направленность беседы за обеденным столом задавал сам хозяин. Он, явно готовя себе алиби на будущее, увещевал Таная быть благоразумным в своих действиях, а в конце разговора, не без фарса предложил ему, если он захочет, занять кресла президента и генсека партии при его (Наджибуллы) содействии и помощи. Танай при всей его политической близорукости и неопытности, естественно, не мог не понимать полную нелепость и нереальность такого рода предложения. Представляется, что за этим предложением крылся далеко идущий тайный замысел президента продемонстрировать перед собеседником свою слабость, подтолкнуть Таная и его друзей к опрометчивым антиправительственным действиям и таким образом загнать их в подготовленный для них капкан [15].

5 марта в Кабуле было объявлено о начале судебного процесса над участниками декабрьского заговора. Первоначально предполагалось сделать суд открытым. Однако уже на первом заседании из-за нежелательного оборота свидетельских показаний,

затронувших высших партийных руководителей, суд сделали «закрытым» [16]. Есть все основания предполагать, что именно начало этого процесса подтолкнуло путчистов к выступлению.

Мятеж начался 6 марта, ночью в 1 час 30 минут по кабульскому времени. Бои завязались в районе кабульского международного аэродрома и у здания министерства обороны, откуда Танай руководил восстанием. На его стороне выступили 4 и 15 танковые бригады, дислоцированные в гарнизоне Пули-Чархи (в 35 км к востоку от Кабула). Отсюда на город было брошено 20 танков, но они были остановлены на полпути курсантами Высшего военного училища (Харби похантун). С северо-запада на Кабул двинулась колонна 8-й пехотной дивизии, однако и она была встречена огнем верных правительству войск министерства внутренних дел. Таная поддержали также 52-й полк связи и 40-я дивизия. Что касается военных гарнизонов в провинциях, то они не приняли участия в путче.

Утром этого же дня Танай покинул здание министерства обороны, оставив в своем кабинете партийный билет, но захватив многие секретные документы, и, что самое удивительное, беспрепятственно под усиленной охраной около 10 часов утра прибыл в штаб авиагарнизона Баграм (в 57 км к северу от столицы). Вместе с ним находились бывший член политбюро М.Н.Моманд, бывший главнокомандующий ВВС и ПВО генерал-полковник А. Кадыр Ака и ряд других лиц. Собрав командный состав гарнизона, Танай объявил, что наступил решающий час борьбы с врагами народа, которых представляет президент, на словах призывающий к примирению, а на деле продолжающий кровопролитие. К разочарованию и большому неудовольствию властолюбивого Таная, ему открыто не подчинились начальник авиагарнизона генерал-майор Санатулла, начальник политотдела полковник Сарвар, командующий ВВС и ряд других офицеров. Все они тут же были арестованы и посажены под замок в подвале командного пункта. Танай лично отдал приказ о нанесении бомбовоштурмовых ударов по столице командиру полка генерал-майору Вахибу. Конкретными целями, которые летчикам определили главком ВВС и ПВО А. Кадыр Ака и начальник штаба ВВС генерал-майор Хамза, являлись расположенные в центре города президентский дворец, здания ЦК НДПА, министерство госбезопасности и комплекс зданий афганского радиотелецентра [17].

Первые удары по Кабулу с воздуха, в которых участвовали в общей сложности 18 истребителей–бомбардировщиков, были нанесены в 13 часов 09 минут 6 марта. Всего на город было совершено 88 самолето-вылетов и сброшено 34 мощные, в том числе и 500-килограммовые, авиабомбы. Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство летчиков все же не захотело выполнить приказ, хотя и взлетало с полным боекомплектом: кто-то из них сбросил бомбы в стороне от столицы, кто-то ухитрился перед взлетом поставить бомбы на предохранитель и они не взорвались, а несколько летчиков приземлились на аэродромах Кабула, Кундуза и Балха. [18]

С началом бомбардировки Кабула Наджибулла и некоторые партийные и государственные деятели республики (С. Лайек, С.А. Кештманд, Н.А. Кавьяни, Ф.А. Маздак и др.) укрылись в бункере, расположенном вблизи старого здания ЦК НДПА. Как рассказывали автору Н.А. Кавьяни и Ф.А. Маздак, Наджибулла в ответ на настойчивые призывы своих соратников быстрее отдать приказ об отпоре путчистам, загадочно произнес: «Подождем еще немного, пусть они полностью раскроют себя». В это же время, когда бомбы рвались в районе президентской резиденции, видные лидеры крыла Хальк, бывшие члены политбюро ЦК НДПА С.М. Зерай, Г.Д. Панджшери и ряд их коллег прибыли в новое здание ЦК партии, находившееся в какой-то сотне метров от старого здания ЦК, и обосновались в кабинете Наджибуллы, ожидая победы вооруженного выступления своих единомышленников – халькистов. Очевидцы рассказывали, что Г.Д. Панджшери, человек экспансивный и революционный романтик по натуре, для которого всегда важен был не столько результат действия, сколько сам

процесс, забыв об опасности, как ребенок, бегал от окна к окну и громко восхищался взрывами бомб.

В конце концов по приказу президента был введен в действие против путчистов весь арсенал подготовленных ранее сил и средств. В 15 часов кабульское радио известило население страны о попытке военного переворота, предпринятого Ш.Н.Танаем. Было объявлено о назначении министром обороны М.А.Ватанджара, занимавшего до этого пост министра внутренних дел, а другого халькиста Р.М.Пактина – министром внутренних дел. В 19 часов в Кабуле был введен комендантский час. Президент обратился к военнослужащим авиабазы Баграм и 40-й дивизии с призывом осознать предательскую сущность заговора и содействовать задержанию Таная. Мятежникам было предложено сложить оружие до 4.00 утра 7 марта. В этом случае им гарантировались безопасность и неприкосновенность.

Вооруженные столкновения с путчистами носили особенно ожесточенный характер в районе расположения министерства обороны, на северо-западе от Кабула против мятежных подразделений 8-й пехотной дивизии и вокруг авиабазы Баграм. В первой половине дня 7 марта правительственные войска заняли здание министерства обороны и захватили там ряд главарей путча, хотя отдельные перестрелки в этом районе продолжались и во второй половине дня. Прекратил сопротивление и 52-й полк связи, в результате чего заговорщики лишились основных средств связи с войсками. В ходе штурма зданий министерства обороны и Главного политического управления армии было убито около 90 человек. Оба здания были значительно разрушены. Большой урон был нанесен колоннам 8-й пехотной дивизии, 4 и 15-й танковым бригадам. Они потеряли около 30 танков. Но, пожалуй, больше всех в ходе подавления мятежа пострадала авиабаза Баграм. «Я так бомбил Баграм, – не без гордости говорил позже Наджибулла, – что от него даже камня не осталось». [19] Артиллерийскими обстрелами и ракетными ударами на аэродроме Баграм было повреждено бетонное покрытие взлетно-посадочных полос, разрушены командный пункт и другие сооружения, уничтожено 10 самолетов и около 30 получили срезные повреждения и требовали капитального ремонта. По сообщениям советской прессы, два истребителя-бомбардировщика были сбиты на взлете племенными формированиями, которые по указанию из Кабула блокировали авиабазу, а еще четыре самолета уничтожены средствами ПВО над столицей. К утру 8 марта Баграм был возвращен под контроль правительственных войск. Следует заметить, что другая крупная база афганской авиации в Шинданде (на западе страны) была блокирована частями 2-го (кандагарского) корпуса и ее самолеты в рейдах на Кабул не участвовали. На стороне правительства остались и авиационные подразделения, дислоцированные на аэродроме Мазари-Шарифа [20].

В ликвидации мятежа заметную роль сыграли ополченческие батальоны партийцев и военизированные отряды молодежной организации. Они, будучи поднятыми по тревоге еще в 2 часа ночи 6 марта, взяли под охрану все районы столицы, ее важные объекты и основные магистрали. Самоотверженность рядовых партийцев при защите левого афганского режима вряд ли можно ставить под сомнение. По данным учетных органов НДПА, только за период с 15 февраля 1989 (т.е. после вывода советских войск из Афганистана) по 15 мая 1990 года в боях с моджахедами погибло до 10 тыс. членов партии.

Одновременно с операциями правительственных войск против путчистов продолжались ожесточенные бои с моджахедами под Джалалабадом, в Хосте, Кандагаре, Герате, Кундузе и других местах. Однако все они не имели никакой прямой связи с мятежом Таная.

Осознав свой провал захватить власть в Кабуле, Ш.Н. Танай, Н.М. Моманд, генералы А. Кадыр Ака, У.Г. Хазрат, Хамза и другие лица вместе с семьями 7 марта в 12 часов 25 минут взлетели на двух транспортных самолетах и вертолете с аэродрома Баграм, на низкой высоте пересекли территорию Афганистана и приземлились в Пакистане [21].

Вскоре Танай на вертолете прибыл в Пешавар, где встретился с начальником штаба сухопутных войск Пакистана генералом Аслам Бегом и шефом пакистанской разведки Шамсур Рахманом Каллу. Во встрече участвовал Г. Хекматъяр, единственный из лидеров афганских моджахедов, кто посчитал для себя приемлемым подать руку и говорить с бывшим «коммунистом» Танаем [22]. Остальные путчисты, не успевшие скрыться и бежать, были арестованы. Всего аресту по делу о путче подверглось более 600 человек (к маю 1990г. из тюрем было выпущено 130 человек и еще 140 рассматривались как непричастные к мятежу). В числе арестованных оказались упоминавшиеся выше активные деятели крыла Хальк С.М. Зерай и Г.Д. Панджшери, а также ряд генералов и старших офицеров. Для рассмотрения преступлений путчистов, в соответствии с указом президента, был создан специальный суд.

8 марта, как только прогремели последние взрывы и выстрелы на авиабазе Баграм, в Кабуле состоялось заседание политбюро ЦК НДПА. На нем было принято решение вывести из состава данного партийного органа и снять с других партийных постов Н.М. Моманда, М.С. Карвала, Ш.Н. Танаю, С.М. Гулабзоя и генерала Назар Мухаммада. Политбюро направило обращение ко всем партийцам, в котором с целью предотвращения дальнейшего накала межфракционных страстей поспешило заявить, что «Танай и его сторонники не имеют никакого отношения к какой-либо фракции» [23].

18 марта очередной пленум ЦК партии рассмотрел вопрос «О современном положении и дальнейших задачах партии по расширению процесса национального примирения». На нем был обсужден также и кадровый вопрос. Наджибулла в пространном докладе по первому вопросу основное внимание уделил мартовскому антиправительственному мятежу. Он, как и политбюро в обращении к партийцам, стремясь не допустить эскалации внутрипартийных распрей и сведения счетов с Хальк, упорно пытался скрыть истинное положение вещей и убедить участников пленума в том, что организатором заговора и пятой колонной в рядах партии являлась—де группа «заргунистов» [24] во главе с бывшим членом политбюро и секретарем ЦК партии Н.М.Момандом, кандидатом в члены политбюро и секретарем ЦК М.С. Карвалем, кандидатами в члены политбюро ЦК Ш.Н.Танаем и С.М. Гулабзоем, а также Асадуллою Сарвари. Кроме указанных лиц, в руководящее ядро заговорщиков входили бывшие члены политбюро ЦК НДПА, известные лидеры Хальк и никогда не принадлежавшие к группе «заргунистов» С.М. Зерай и Г.Д. Панджшери, бывшие члены ЦК партии А.Р. Ариан, А. Бассам, А. Кадер Ашна и др. Наджибулла в своем докладе несколько раз указывал на связь организаторов мятежа с внешними силами. «Путч, – говорил он, – не был делом рук только одного авантюриста или какой-то группы лиц, а являлся широко спланированным заговором внутренних и внешних врагов Афганистана, направленным против независимости, территориальной целостности и национального суверенитета страны» [25]. Однако, следует заметить, внешний след в этом заговоре, как и версия о предварительном сговоре Танаю с Г. Хекматъяром, не получили ни в цитируемом докладе и ни в будущем документального подтверждения и были выдвинуты, как представляется, лишь в сугубо пропагандистских целях.

На указанном пленуме Наджибулла сделал одно немаловажное признание, отвечая на им самим же поставленный вопрос: «Если партия заранее знала о готовящемся заговоре, нельзя ли было вовремя воспрепятствовать ему?». По его словам, путчисты так искусно готовили переворот, что любые предупредительные меры со стороны правительства позволили бы им «сохранить лицо и доказать свою невиновность». «В связи с этим, – продолжал Наджибулла, – ЦК и Высшему совету обороны пришлось терпеливо и хладнокровно наблюдать за развитием событий до тех пор, пока антипартийные элементы и все заговорщики не поставят себя вне партии, а ее здоровые силы не получат в свое распоряжение весомые доказательства их вины» [26]. Этим своим признанием Наджибулла, хотел он того или не хотел, откровенно подтвердил свою заинтересованность в мятеже.

Пленум, расценив действия путчистов как «измену родине и предательство национальных интересов и целей НДПА», постановил исключить из руководящих органов и членов партии 24 человека. В их числе были: Ш.Н. Танай, С.М. Гулабзой, [27] М.С. Карваль, Н.М. Моманд, генерал Назар Мухаммад, генерал Дост Мухаммад, Шазар Ливаль, генерал А. Кадыр Ака, А.К. Ашна, С.М. Зерай, Г.Д. Панджшери, М. Сафи, Ф.М. Феда, генерал М. Хашем, М. Хашем Ватанваль, Х. Гайрат, Х. Кухестани, Р. Осули, генерал Сайфулла, А. Хабиб, Гульдад, Нур Вахаб Цапанд, А. Бассам и А.Р. Арьян [28].

Пленум избрал членом политбюро и секретарем ЦК НДПА инженера Назар Мухаммада (принадлежал к крылу Хальк). Следует отметить, что Наджибулла, неумолимо утрачивая поддержку в партии в целом и в своем собственном крыле, в ходе подавления мятежа и после его разгрома продолжал создавать себе опору в правящей верхушке, главным образом за счет своих земляков – выходцев из Пактии. Так, среди его особо доверенных лиц оказались М.А. Ватанджар, Тухи, инженер Назар Мухаммад (все они, как и сам Наджибулла, происходили из уезда Зурмат указанной провинции), Р.М. Пактин и др.

После подавления мятежа многие офицеры и генералы – сторонники Наджибуллы получили внеочередные воинские звания и повышение по службе. Пять из них были произведены в «генералы армии», а именно: М.А. Ватанджар (министр обороны), Гулям Фарук Якуби (министр государственной безопасности), Мухаммад Рафи (вице–президент), Мухаммад Наби Азими (первый заместитель министра обороны, начальник кабульского гарнизона) и Мухаммад Асеф Делавар (начальник Генерального штаба афганской армии). Среди прочих мер, которые, по замыслам правящих кругов, должны были содействовать оздоровлению обстановки в стране и в обществе, заслуживают упоминания следующие: в армии, партийных организациях, органах власти и управления была проведена чистка от элементов, запятнавших себя связями с путчистами; из тюрьмы Пули–Чархи выпущены бывшие халькисты во главе с Эқбалем, занимавшим при Х. Амине пост начальника Главного политического управления афганской армии; 11 апреля был сформирован новый коалиционный кабинет во главе с беспартийным Фазль-уль-Хаком Халекияром [29] (в его кабинете беспартийные составляли 67 процентов). Одним из заместителей премьер-министра стал первый секретарь ЦК оппозиционной Революционной организации трудящихся Афганистана Махбуллула Кушани. Определенной сенсацией в рамках провозглашенной и проводимой правительством политики национального примирения явилось направление Наджибуллой послания экс–королю Афганистана Захир–шаху с просьбой принять активное участие в усилиях по восстановлению мира на афганской земле [30].

Однако главный итог мартовского мятежа заключался в том, что он, как ничто другое до этого, отчетливо высветил организационную слабость и политическую несостоятельность НДПА, как правящей партии. С этого времени разногласия в высшем партийном руководстве еще больше обострились. По мнению членов политбюро ЦК партии Н.А. Кавьяни и Ф.А. Маздака, высказанному ими автору в ходе беседы в Кабуле в начале июня 1990 г., Наджибулла в политбюро пользовался безоговорочной поддержкой только двух–трех лиц, в частности С. Лайека и А. Вакиля. Остальные выражали несогласие с ним по многим вопросам внутренней и внешней политики партии и государства. Теряя поддержку среди своего окружения, видя деморализацию партийных рядов и утрату опоры в лице партии, Наджибулла решил избавиться от НДПА и создать вместо нее, на иной организационной, идейно–политической и программной основе новую партию или даже, что он не исключал, основать взамен ее некое общественно–политическое движение. В конце июня 1990 г. в Кабуле состоялся второй съезд НДПА, который декларировал создание новой организации – Партии Отечества [31].

Мятеж оказал разлагающее воздействие и на вооруженные силы, главную опору левого кабульского режима. В рядах офицерского корпуса усилились недоверие к высшему руководству и разочарование в партийных идеалах. Не прекращалось массовое

дезертирство. Как признавал новый министр обороны М.А. Ватанджар, в армии ощущалась острейшая нехватка людских ресурсов, включая офицерских командных кадров низшего звена, а также специалистов боевых профессий – летчиков, танкистов, артиллеристов и др. [32].

Суммируя все сказанное выше, можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, вряд ли будет правильным и справедливым возлагать всю вину за мятеж исключительно на авантюриста Ш.Н.Таная и немногочисленную группу «заргунистов», как это делали по горячим следам событий президент Наджибулла и советские мидовские работники [33]. Факты убедительно свидетельствуют, что паруса мартовских событий в Кабуле наполнялись ветром не одиночек, а значительной по численности радикально настроенной фракции Хальк. Именно она во главе с ее влиятельными лидерами прибегла к вооруженному выступлению как к последнему средству, чтобы убрать парчамиста Наджибуллу, вернуть себе власть и таким образом разрешить непримиримые противоречия со своими внутрипартийными соперниками.

Далее, вся подготовка мятежа с самого начала и до его финала оказалась под надежным «колпаком» верной Наджибулле службы безопасности. Как бы это не казалось парадоксальным, больше всего в антиправительственном мятеже был заинтересован сам президент и его сторонники. Он методично, в течение многих месяцев подталкивал своих противников к выступлению. И заговорщики, в конце концов, попали в умело подготовленную им западню, в которой были перекрыты все пути к спасению, кроме одного, – бегству к Г. Хекматъяру, злейшему врагу кабульского режима. Только этот путь бегства оставшихся в живых и окончательно скомпрометировавших себя Ш.Н. Таная и его сторонников мог в наибольшей степени удовлетворить политические расчеты тех, кто хотел одним ударом решить для себя ряд далеко идущих замыслов: устранить силой из руководства партии и государства наиболее ярких халькистских противников, особенно в армейской верхушке; получить «законное» оправдание для дальнейшего усиления авторитарных основ власти в стране; и, освободившись от радикальной внутрипартийной оппозиции, развязать себе руки в торге с вооруженной антиправительственной оппозицией по самой острой проблеме жизни страны – проблеме национального примирения. Еще один итог путча нашел свое выражение в т.н. «узбекском факторе», привнесшем в гражданскую войну в Афганистане новую ее составляющую – межэтническую. Дело в том, что активное использование Наджибуллой 53-й узбекской ополченческой дивизии для подавления мятежа пуштуна Таная (а ранее и в других местах против пуштунских по составу бандформирований) серьезно задело национальные чувства пуштунов и сыграло свою роль в постепенном переходе гражданской войны в стране в русло «пуштуны – непуштуны».

И, наконец, мартовские события в Кабуле, рельефно обнажив глубинный кризис НДПА, полностью развеяли бытовавшие прежде иллюзии относительно возможности объединения и сосуществования фракций Хальк и Парчам в рамках единой партии. В сложившихся обстоятельствах ускорился процесс самоликвидации НДПА и создания на ее базе новой партии – Партии Отечества.

Примечания

1. Закрытое письмо халькистов – членов НДПА в адрес политбюро ЦК КПСС. Апрель 1988г. / Перев. с дари (машинописный текст).
2. См. о нем: Слинкин М.Ф. Народно–демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки–Амина (1978–1979 гг.) – Симферополь, 1999. – С.285–287.
3. См. там же, с. 295–296.
4. Бывший афганский лидер Б.Кармаль в одном из интервью советскому журналисту дал Ш.Н.Таная следующую нелестную характеристику: ”Это безграмотный и ненадежный человек. Ваши же (имелись в виду высшие советские военные чины в Кабуле. – М.С.) двигали его вверх – начальником генштаба, министром обороны и говорили при этом, что он, дескать, «афганский маршал Жуков». – См.: Снегирев В. Он был заложником Кремля. Бабрак Кармаль рассказывает // Труд. – 1991, 24 октября.

5. Правда. – 1989, 4 августа.
6. Стенограмма выступления президента Наджибуллы перед старейшинами из провинции Пактия 11 марта 1990 г. / Перев. с пушту (машинописный текст); He, who is umbrellaed by God and people is crowned with triumph: President Najibullah. – Kabul: Alberuni Publishing House, April 1990. – P. 5–6
 Указанные два текста одного и того же выступления Наджибуллы значительно отличаются друг от друга и по стилю, и по структуре, и по содержанию. Причем стенографическая версия, как представляется, не подвергалась редактированию и поэтому в ряде мест крайне сумбурна по содержанию, хотя и более эмоциональна по выражениям.
7. Правда. – 1989, 19 декабря; He, who is umbrellaed. – P. 10.
8. Алим Джан, выпускник советской Академии связи, имея доступ к правительственной связи, во многом обеспечил успех государственного переворота М.Дауда в 1973 г. В 1978 году он принимал активное участие в апрельском вооруженном восстании.
9. См. об этом: Стенограмма выступления президента Наджибуллы; He, who is umbrellaed – P. 10–11.
10. Правда. – 1989, 19 декабря; Стенограмма выступления президента Наджибуллы; He, who is umbrellaed – P. 12–13.
11. Правда. – 1990, 11 марта; Новое время. – 1992. – №17. – С.28.
12. Стенограмма выступления президента Наджибуллы; He, who is umbrellaed – P.13.
13. He, who is umbrellaed – P. 14–15.
14. Красная звезда. – 1990, 23 марта.
15. Заслуживает внимания фрагмент разговора Наджибуллы с Танаем за указанным обедом, приведенный президентом в его выступлении перед старейшинами из провинции Пактия 11 марта 1990 г. Наджибулла, обращаясь к Танаю, спросил: «Куда приведет тебя тот путь, на который ты встал? Во–первых, если ты выступишь, то никто в живых не останется; и, во–вторых, если ты все–таки победишь, то как долго ты сможешь продержаться у власти? ... Куда ты пойдешь? К Гульбедину? Может быть, он и будет тебя поддерживать в течение нескольких дней, а потом уберет». По словам Наджибуллы, Танай на это ответил, что он благоразумный генерал и никогда не выступит против него, президента. Последний, однако, не удовлетворился таким ответом и продолжал: «Чего ты хочешь? Может быть, тебе нужно мое кресло? Если это так, то я соберу политбюро и пленум ЦК партии и объявлю, что я больше не могу оставаться президентом и генсеком партии, а этот молодой товарищ заменит меня». Танай ответил: «Что вы? Мы никогда не найдем подобного вам способного, энергичного и стойкого лидера». ... «Тогда, – заключил Наджибулла, – для чего ты прибегаешь к такого рода действиям и как ты собираешься разрешать наши противоречия?» В ответ Танай заверил Наджибуллу в своей верности ему и сказал: «В противном случае я уничтожу себя физически и буду опозорен в истории, как второй Амин». – См.об этом: Стенограмма выступления президента Наджибуллы; He, who is umbrellaed – P. 17–18.
16. См. об этом: Новое время. – 1990. – №12. – С.10; 1992. – №17. – С. 28.
17. Красная звезда. – 1990, 16 марта.
18. Красная звезда. – 1990, 12 и 16 марта; Доклад Наджибуллы на пленуме ЦК НДПА 18 марта 1990 г. // Пейам. – 1990, 19 марта. – На языке дари.
19. Стенограмма выступления президента Наджибуллы.
20. Известия. – 1990. – 8 и 11 марта; Правда. – 1990, 9 марта; Красная звезда. – 1990, 16 марта.
21. Доклад Наджибуллы на пленуме ЦК НДПА 18 марта 1990 г.
22. Правда. – 1990, 16 марта; Красная звезда. – 1990, 20 марта.
23. Красная звезда. – 1990, 10 и 13 марта.
24. Эта группа получила свое название по имени Абдул Карима Заргуна. Он в конце 60–х годов, будучи студентом медицинского факультета Кабульского университета, примкнул к оппозиционному антимоноархическому движению. В ноябре 1970 г. был кооптирован кандидатом в члены ЦК НДПА (Хальк). В 1974 году вышел из партии и создал самостоятельную подпольную группировку. В 1979 году был умерщвлен по приказу Х.Амина. Группа его сторонников продолжала действовать и после его гибели и была довольно многочисленной в вооруженных силах.
25. Доклад Наджибуллы на пленуме ЦК НДПА 18 марта 1990 г.
26. Там же.
27. С.М.Гулабзой в дни мятежа находился в Москве, будучи послом Республики Афганистан в СССР. Советское руководство отказалось выдать его и ряд других халькистов афганским властям, понимая, что на родине их наверняка ждет смертная казнь.
28. Постановление пленума ЦК НДПА. 18 марта 1990 г. // Пейам. – 1990, 19 марта. На языке дари; Известия. – 1990, 20 марта.
29. См. о нем: Слинкин М.Ф. Народно–демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки–Амина. – С.304–305.
30. Известия. – 1990, 13 марта.

31. Пейам. – 1990, 27 и 30 июня. На стадии подготовки съезда либеральное крыло партии предлагало назвать новую организацию «Партией народного единства», а сторонники жесткой линии – «Народной партией Афганистана».
32. Красная звезда. – 1990, 23 марта.
33. Новое время. – 1992. – №17. – С.28–29; Стенограмма выступления президента Наджибуллы.